

Восточно-Сибирская правда
г. Иркутск

Творческий путь многих писателей по-своему неожидан.

Есть такая неожиданность и в литературной биографии прозаика Бориса Лапина: он начинал как поэт. В 1955 году в Иркутске вышел сборник «Молодая Ангара». Там была напечатана подборка стихов Бориса Лапина. К тому времени он окончил филологический факультет Иркутского госуниверситета и уже отправился «в жизнь» непредугаданными журналистскими дорогами... Стихи Б. Лапина публиковались потом и в Иркутске, и в Москве. Одно из стихотворений было включено в «Антологию сибирской поэзии». Что же привело Б. Лапина в прозу? Внутренняя необходимость таланта. Конечно, разрыв произошел не сразу. Некоторое время проза мирно «сосуществовала» в творчестве иркутянина с поэзией, но вскоре окончательно ее победила.

В начале шестидесятых рассказы Бориса Лапина замечали на страницах «Смены» и «Сибирских огней», «Урала» и «Дальнего Востока», «Недели» и, конечно же, иркутского альманаха «Ангара». Из этих публикаций родилась первая книга «Сын своего отца» (1964). Примечательным был ее подзаголовок — «Лирические рассказы». Подзаголовок напоминал о поэтическом прошлом автора. В 1968 году увидел свет второй сборник Бориса Лапина — «Кратер Ольга». И опять обратим внимание на издательскую рубрику: «В мире приключений и фантастики».

Так определились два пути прозы Бориса Лапина. Два, вроде бы контрастных по отношению друг к другу направления его творчества.

Перед нами и два способа писательского мышления. В фантастике стиль Б. Лапина как бы пунктирен. Он прежде всего очерчивает нравственную ситуацию, этическую проблему, главное для автора — мысль, сложная, часто «страдающая». В других же, «нефантастических» вещах прозаик тщательно выписывает детали. Они оказываются по-настоящему многозначными и неторопко, но верно помогают читателю постичь авторский замысел.

Так что же, писатель одновременно идет в литературе двумя дорогами? Я думаю об этом, читаю столь не схожие книги Бориса Лапина и открываю их несомненное единство. Понимаю: автор не просто «экспериментирует», пробует голос в разных тональностях (само по себе это тоже необходимо в искусстве). Автор, в сущности, по-разному говорит об этом. Легко формулируется и главная, сокровенная его тема:

судьба красоты, судьба чувств человеческих в эпоху НТР.

Вот почему вовсе не противостоят друг другу, как может показаться, а соединяются в творчестве Бориса Лапина «фантастическое» и «земное». Соединение органично, хоть нередко и парадоксально. Описывая земные будни, автор исследует то, как живая человеческая душа попадает под «пресс» быта, повседневности, мучается, гибнет, порой возрождается. Писатель показывает и другое: отрешаясь от земного быта, космос сам по себе не избавляет человека ни от трудного нравственного выбора, ни от одиночества, ни от нерешенных вопросов, ни от сомнений.

Многих героев Бориса Лапина терзает одно противоречие: они понимают тайны сложнейшей техники, но не могут понять людей, с которыми живут рядом.

Ученый Михаил Лихман из рассказа «Кратер Ольга» погибнет, делая открытие на Луне, так и не догадавшись, что много лет прожил с женщиной, которая не любила его, была ему неверна. Однако для читателя не менее важно открытие героини: оказывается, она совсем не знала человека, который был ее мужем.

А вот другая нравственная коллизия фантастики Б. Лапина. В повести «Первый шаг» отчаянно мечется по коридорам космического корабля молодая женщина по имени Полина. Ночами ей снится Земля: горные ущелья, тропинки, пропасти... Дело в том, что героиня никогда не была на Земле. Она и родилась здесь, на корабле: экипаж, снаряженный учеными стран Западного Содружества, совершает путь длиной в триста лет. За это время сменится несколько поколений обитателей Корабля. Но у всех у них будет одна цель — достичь дальнюю от Земли звезду... Цель благородна и высока, понимает Полина, однако она выбрана другими; имели ли они право решать не только свою судьбу, но и судьбу потомков? Об этом думает героиня. Об этом думает и читатель, тем более, когда узнает: все, что происходит на Корабле, только эксперимент — сложный, важный, но... эксперимент. Корабль так и остался на Земле, телекамеры внимательно следят за ходом этого опыта. Сорок восемь лет эксперимента миновало:

уже были смерти от неизвестных болезней, муки неразделенной любви и муки ревности, уже приходило к ним тягостное ощущение — ты живешь в клетке, куда заключен от рождения; уже появилось третье поколение экипажа, которому совсем не хочется на Землю...

Итак, в повести четко вырисовывается два нравственных полюса: далекая звезда — заветный ориентир на пути человечества в большой Космос и реальная жизнь личности, у которой отсутствует выбор... Соизмеримо ли это? — спрашивает автор. Может ли гуманное общество будущего сознательно пожертвовать хотя бы несколькими судьбами? Б. Лапин тактично не настаивает ни на одном из возможных ответов — его проза стремится ставить вопросы. В поиске ответов — ее движение. В повести «Пол счастливого звезды» догадываются человеческие судьбы, на долгие годы расстанутся любящие люди, а должны герои в конце концов решить простое: имеет ли человек право на риск? И что такое риск, если едва ли не все можно предвидеть заранее и вычислить с помощью машин?

И «потусторонние» рассказы писателя не менее насыщены мыслью, чем его фантастика. Только эти раздумья рождались иначе. За ними — тысячи километров сибирских дорог, сотни встреч, ранние очерки и десятки документальных кинолент. Потом, естественно, приходило время прозы.

Так возникла и недавняя книга прозаика «Гидростроители» (1982 г.).

Здесь, как и в фантастике, ему тоже прежде всего интересен и важен уровень человеческого сознания, а не уровень быта. Исследуя это сознание, Лапин опять задает себе и читателю трудные вопросы.

В рассказе «Разноцветье, разно-

травье» начал цикл произведений Б. Лапина о гидростроителях. Потом были написаны повести «Плотина» и «Караван», несколько других рассказов. Потом на первый план для автора вышли и другие проблемы.

Время действия «Плотины» — тысяча девятьсот пятьдесят восьмой, время действия «Каравана» — шестьдесят второй. Время создания повестей — двадцать лет спустя. Этот временной разрыв красноречив. Писателю наверняка хотелось переосмыслить минувшее.

Нет, он далек от «благостной», хоть и вполне закономерной цели — воздать должное первопроходцам. Повести Б. Лапина похожи и не похожи на книги «о труде» пятидесятых годов. Герои здесь тоже попадают в чрезвычайные обстоятельства, преодолевают их, однако не «ЧП» сами по себе интересуют писателя.

Что же стало главным для Бориса Лапина? Этот вопрос задавал Анатолий Шастин, автор предисловия к «Гидростроителям». И ответил: «...Это прежде всего человек, его нравственный облик, изменение его характера во времени, его гражданское мужество. Это раздумья о природе и взаимоотношениях с ней, о допустимом и неподпустимом для руководителя стройки даже в самых экстремальных условиях, когда приходится выбирать «или-или». Или нарушить принципы социалистической морали и законности во имя решения важной производственной задачи, или оттянуть ее решение, не сдержав слова, но проявить заботу о людях, чья судьба сегодня и завтра во многом зависит от предпринятого

шага потому, что руководителю стройки многое дано, многое позволено, и только высокая нравственная требовательность к себе остается его главным контролером и судьей».

Повести, очевидно, продолжают друг друга. Что это — караван? Это колонна, которая движется по льду Анги к месту стройки будущей ГЭС. Это «бульдозеры, тракторы, теплушки на санях, бронемашины бензовозы, массовая дизельная электростанция, щедро нагруженные ЗИЛы, МАЗы и КРАЗы». Это разные люди, которых свела здесь судьба. Впереди — двести сорок километров, торосы, метели, тонкий, проваливающийся лед. И — воспоминания, размышления героев. Да, люди возвращаются назад, когда хотят «перепроверить» прошлое. В повести два героя, с которыми связан этот всегда сложный процесс, — автор и начальник автоколонны Иннокентий Беломестный.

Когда-то критики часто задавали вопросы: где он, герой современности, человек труда, который умеет не только выполнить план, но и задуматься — как, какой ценой, во имя чего? Сегодня таких героев в нашей литературе немало, среди них — Иннокентий Беломестный. Двенадцать дней движения каравана — это и его рассказы на привалах, и его полубессонные ночи, наполненные раздумьями.

Прав А. Шастин, Беломестный стал в повести «носителем житейской мудрости, народного опыта, выразителем народных взглядов на руководителя и его роль в коллективе». Привлекательно, что Беломестный боится упрощения, когда судит о людях, — этому научила его жизнь. События и людей герой старается увидеть в их противоречивой взаимосвязи. И даже того же Тябина, о котором так много спорят в «Плотине» и «Караване», Беломестный хочет не просто осудить — понять.

Что это — Тябин? «Талант же, с весов не скинешь, — говорит Беломестный. — таких организаторов на всю страну единицы. Ну, может, десятки». Тябин строил гидростанции и комбинаты. Строил в короткий срок, преодолевая реальные «невозможности». Не жалел себя, ни людей. В сильные морозы, к примеру, когда строители не выходили на работу, Тябин

мог распорядиться отключить отопление в бараках — идите, мол, согревайтесь в деле...

Не у многих Тябин вызывает симпатию, но Иннокентий Беломестный, как и Григорий Гамаюнов, думают о нем не с одним негодованием — с сожалением тоже. Не только тябины формировали время, и оно, время, формировало тябиных. В иные десятилетия организаторское, инженерное дарование Тябина, возможно, развернулось бы иначе, не было бы скомпрометировано человеческой несостоятельностью, грубым администрированием. Вспомним: об этом и о многом другом герой Бориса Лапина размышляет в шестидесятые годы, уже после двадцатого съезда партии.

Автор не может скрыть своих пристрастий: Беломестный — герой, которого долго искал Лапин. Герой, много повидавший на своем веку, «измученный» жизнью, но не сломленный! Его взгляд на мир во многом совпадает с авторским. Что движет им? Что заставляет в очередной раз сорваться в трудную дорогу, оставить наконец-то обремененный домашний очаг, рисковать собственным здоровьем? Есть в Беломестном грубая ярость, «святое чувство нужной работы», о которых писал когда-то О. Куваев в своей «Территории». Кстати, и в том, и в другом произведении живет энергия преодоления — живет в героях, в стиле, в деловитости и одновременно — романтической приподнятости авторской интонации.

Читаешь проповеднически пропозитивные строки, которыми Олег Куваев закончил «Территорию», и вдруг догадываешься, что это ведь эпиграф к «Плотине» и «Каравану»: «День сегодняшний — есть следствие дня вчерашнего, и причина грядущего дня создается сегодня. Так почему же вас не было на тех тракторных саях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер, читатель? Где были, чем занимались вы все эти годы? Довольны ли вы собой?»

А писателю, как и его любимым героям, идти дальше. Литературный критик — не гадалка: стоит ли предсказывать, какими окажутся отдельные участки этой дороги?

Перед прозаиком по-прежнему остается жизнь, в которой есть и подвиги, и тайны. Остаются, как дальние маяки, звезды добра и любви.

Е. ЦЕИТЛИН.